

РОЖДЕН ДЛЯ ПОДВИГОВ И ПЕСЕН

Иманжусуп был рожден для подвигов, для ратных дел. Эта участь была уготована ему судьбой. С детских лет он слышал рассказы о героической жизни своего отца, о сражениях и битвах, о Кенесары и Аблайхане. Он вырос, мечтая о подвигах, желая повторить их, он готовил себя к ним, да и природа, казалось, выделила его из тысячи других, наделив его могучей силой, исполинским ростом, к физическим данным присовокупив еще и замечательный музыкальный дар, мощный, необыкновенно проникновенный голос. Одаренный щедро природой, он и силу свою, и свой талант музыканта отдал на службу родной земле, людям. Главной чертой его характера было чувство собственного достоинства, желание справедливости. Он пришел на эту землю, чтобы возродить былую славу предков, былое величие своего народа, и каждый, кто препятствовал ему на этом пути, становился ему врагом. Чести и свободы его никто не мог отнять. Вот почему он с юных лет был любимцем всей округи.

В СЕМЬЕ КУТПАНОВЫХ БЫЛ КУЛЬТ КЕНЕСАРЫ

Истоки героизма, отваги Иманжусупа надо искать в его времени, в среде, которая его окружала, в семье, где был культ Аблая и Кенесары. Отец Иманжусупа Кутпан с 17 лет был в ополчении Кенесары. После подавления восстания, скрываясь от преследований, пришел на берега Иртыша, нанялся батраком к известному баю, а через десяток лет обзавелся хозяйством, женился, стал известным, почитаемым человеком в округе. После рождения младшего из четверых детей – Иманжусупа, он, взяв разрешение, переехал в родные места, на Акмолинщину. Этот период его жизни достаточно подробно описан в романе Зейтина Акишева «Иманжусуп». Кроме того, в государственном архиве РК хранится текст прошения Кутпана Дайрабаева на имя Степного генерал-губернатора, где он упоминает о том, что прежде жил по Иртышу, в станице Песчаной Павлодарской области.

Кутпан часто рассказывал сыновьям о Кенесары, о битвах и сражениях, в которых ему приходилось участвовать, о гибели отца Дайрабая в одной из первых стычек с царскими войсками, о том, как Кенесары поднимали на белой кошме, провозглашая ханом. И он, Кутпан, выехавший со своими молодыми друзьями в поисках достойной невесты, стоял в толпе и восхищенно смотрел на внука Аблайхана. И когда после аса по своим предкам Кенесары призвал всех стать воинами в его войске, Кутпан, не раздумывая, остался в лагере ополченцев. Вскоре в лагерь прибыл и знаменитый батыр Дайрабай, отец Кутпана.

Конечно же, дети Кутпана, в особенности Иманжусуп, выросли, мечтая о подвигах. Для них и Абылайхан, объединивший три жуза казахов в борьбе против

джунгаров, и Кенесары, вступивший в схватку с царем за свободу родной земли, были теми людьми, которых они боготворили, на которых хотели быть похожими. Не случайно образ Абылайхана не однажды появляется в песнях Иманжусупа. И не случайно Иманжусуп в 1913 году принимает приглашение кипчаков с берегов Сырдарьи и откочевывает в местечко Жезкен Тамы и живет там пятнадцать лет, до начала конфискации. Он так же, как и Кенесары, хотел возродить былую славу своего деда Турганбая. А сородичи его видели в нем продолжение героической фигуры датки, им нужен был заступник и защитник, им нужен был человек, который принял бы на свои плечи груз их страданий и печалей, человек который бы не побоялся встать на защиту их интересов, на защиту слабых и сирых. И Иманжусуп оправдал их надежды.

И вполне закономерно, что слава о Иманжусупе началась с истории о том, как на Кояндынской ярмарке два офицера, подвыпив, прикрепили к ветке дерева портрет Кенесары и стали стрелять в него из пистолетов. Вдруг из толпы вышел громадного роста молодой парень—казах и, схватив стрелков за шиворот, стукнул их лбами друг о друга, а потом отшвырнул в разные стороны. Началась паника, крики, шум, а неизвестный исчез, только его и видели.

В 90-е годы теперь уже прошлого века я встречалась с аксакалами, видевшими живого Иманжусупа, слышавшими от своих отцов рассказы и об этом эпизоде, и о многих других подвигах их кумира. Кроме того была жива дочь Иманжусупа Куянда, 1900 года рождения. Именно она сохранила в своей памяти кызылординский период жизни Иманжусупа, его поездки в Бухару, в Шилик, на место гибели его деда Турганбая. Помнила она также и о том, как в 1916 году, в год мобилизации казахов на тыловые работы, Иманжусуп, собрав тысячу молодых кипчаков призывного возраста, откочевал с ними в Бухару и вернулся в Шиели только в семнадцатом году, после революции.

И, конечно же, если говорить об истоках формировании личности Иманжусупа, необходимо в первую очередь говорить о том влиянии, которое оказали на него образы Абылайхана и Кенесары. К сожалению, о Кутпане Дайрабаеве сохранилось не очень много сведений. Но даже то, что он был сарбазом Кенесары, прошел с ним путь от начала до конца и чудом выжил, потом отправился вслед за сыновьями в ссылку и пробыл там шесть лет, говорит о его богатырской силе, о могучем духе борца за независимость и свободу. Он жил, оставаясь непокоренным, воспитывал детей на примере Кенесары, считая главной ценностью свободу и независимость родной земли. Кутпану было судьбою назначено иметь двух отцов – батыра Дайрабая, воина Кенесары, и пансата Турганбая, наместника Туркестана, погибшего в борьбе за освобождение родного края от кокандского ига. И та же судьба подарила ему сына Иманжусупа, повторившего подвиги своих предков.

Так о чем же могли говорить долгими вечерами в доме Кутпана? Каким предстал в воображении детей кумир их отца - Кенесары? Прежде всего, рассказы о Кенесары начинались с преданий о деде его Абылайхане. Кенесары считал себя

законным его наследником, мечтал вернуть принадлежащие его деду земли. То, что делали царские чиновники в степи, приводило Кенесары в ярость. Они, упразднив ханскую власть в 1822 году, ввели согласно уставу о сибирских киргизах, округа. В 20-30-х годах царские войска, наступая с двух сторон – со стороны Сибири и Оренбурга, захватывали лучшие земли, строили военные укрепления, крепости, оттесняя казахов в пески и безводные пустыни.

Кенесары в своих прошениях царю говорил о том, что хочет стать ханом в рамках российской империи, но свободным ханом, жить на равных правах с русским народом, жить в дружбе. Но для царя это предложение Кенесары было неприемлемо. И в 1840 году был обнародован царский указ: «все киргизы оренбургского ведомства, кочующие на землях Киргиз-Кайсацкой степи, составляют неотъемлемую собственность Российской империи, платят по одному рублю пятьдесят копеек с кибитки». Ханская власть в том царском указе упразднилась окончательно. Правители теперь избирались не народом, а царскими чиновниками.

И тогда Кенесары объявляет себя ханом и собирает войско. Так Кутпан становится на долгих десять лет сарбазом Кенесары и, сам того не ведая, повторяет судьбу своего отца, настоящего, а не отчима, хотя и отчим его был выдающейся личностью, знаменитым батыром, и он тоже одним из первых примкнул к повстанцам Кенесары. А настоящий отец, о котором услышит Кутпан уже в старости, наместник при кокандском ханстве Турганбай Сиргебаев, погибнет, стараясь отвоевать земли Туркестана в одном из боев с кокандцами. В истории этот эпизод известен как Шиликское событие.

В 1916 году в газете «Казах» была опубликована статья Калжана Конратбаева «О Турганбае и его пропавшем сыне». Автор пишет: «Через много лет благая весть о том, что у Турганбая есть потомки, дошла до всех. Пришла она и к нам в Торттобе. В 1911 году в Куйгенжар был отправлен с письмом близкий родственник датки. И вот осенью 1913 года самый младший из сыновей Кутпана – Иманжусуп, приняв наше приглашение, приехал в Шиели. В наших краях имя Турганбая у всех на устах. Помнят сородичи о былой его славе, и каждому дорог его образ. Кто бы мог подумать, что отыщется семя Турганбая, что мы будем иметь счастье лицезреть его внука? Вот потому-то приезд Иманжусупа для нас – значительное событие, это праздник для всех казахов, и вот почему из наших глаз льются слезы радости, и нет человека, кто остался равнодушным к этому событию. «Пусть умрет отец, но до тех пор, пока живы те, кто знал его, он будет среди нас, как живой», гласит казахская пословица. И в самом деле, Турганбай жив в нашей памяти, пока живы мы, хранящие память о нем, и наш долг передать эту память его прямым потомкам.

Внук Турганбая приехал к нам на паре лошадей, а возвратился в Куйгенжар с целым табуном. «Истинный тулпар найдет в конце концов свой косяк, каким бы долгим и трудным не был путь к нему», – говорится в пословице. И заметим, вполне справедливо, ибо прошлым летом Иманжусуп переехал к нам навсегда, на постоянное место жительства. И на этот раз его встречали с не меньшим почетом и радостью. По традиции новоселам полагается всемерная помощь со стороны аулчан, ерулик. Сородичи наполнили двор Иманжусупа скотом, следуя традиции, привели и верблюдов, и баранов, и лошадей. Иманжусуп оказался достойным преемником славного деда своего Турганбая датки. Теперь мы ждем приезда старших братьев Иманжусупа, чтобы устроить торжества по всем правилам. Будет ли это желание воплощено в жизнь, время покажет.

У других образованных народов есть обычай отдавать дань памяти известным людям, но делают это они немного иначе, чем мы, с большей пользой для людей. Строят школу имени этого человека, назначают стипендию, называют улицы го-

рода. Но это еще не под силу нам. По уровню культуры мы находимся в детском возрасте. Но вместе с тем, было бы хорошо, если бы мы хотя бы задумались над этим. У Мансура Бекежанова есть дастан, посвященный Турганбаю, но мы до сих пор не можем выпустить его отдельной книгой и раздать людям».

Публикация почти столетней давности, но вопросы, которые задает автор, злободневны и сегодня. И вслед за Калжаном Конратбаевым, который ровно сто лет назад делился радостью по поводу того, что внук знаменитого Турганбая поселился у них, и он оказался достойным преемником датки, и что теперь у народа появился заступник и защитник, порадуемся и мы возвращению славных героев, и пусть их подвиги вдохновляют молодых на благие дела и учат их любить родную землю, быть готовыми защищать ее интересы.

ВОЗВРАЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Их возвращение стало возможным в год обретения Казахстаном Независимости. Той самой независимости, о которой мечтали три поколения одной семьи, герои, сложившие головы в борьбе за свободу родной земли.

И как бы ни суровы были запреты и желание власть предержащих предать их имена насильственному запрету, клевете и наветам, рассказы об их благородстве и мужестве героев сохранились в благодарной памяти потомков. И память эта увековечена ныне уникальным монументом, возведенным на месте бывшей ставки Турганбая датки – в селе Шилик Южно-Казахстанской области известным в республике меценатом, ученым, предпринимателем Серикжаном Сеитжановым. На десятиметровой гранитной плите высечены барельефы династии освободителей, устремилась ввысь тридцатиметровая белая стела, олицетворяя собой торжество добра над злом. Стоя у монумента, вспоминаешь строки Николая Тихонова, который когда-то от имени всех репрессированных обратился к людям:

Наш век пройдет, откроются архивы,
И все, что было тайной до сих пор,
Все тайные истории извивы
Свои покажут славу иль позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется Великим навсегда.

В конце прошлого года установлен памятник Иманжусупу в районном центре Шиели Кзыл-ординской области, спортивный стадион здесь носит теперь его имя. На берегу Иртыша, в Павлодарской области юбилейные торжества, посвященные 150-летию Иманжусупа, продолжались в течение года. Музейная экспозиция, вечера памяти, конно-спортивные состязания, международная научно-практическая конференция, собравшая известных ученых из многих стран, открытие памятника Иманжусупу, присвоение его имени Дворцу спорта, республиканские айтысы, поэтические конкурсы – все это и многое другое надолго запомнилось всем участникам праздника. Далее эстафету празднования подхватила Жамбылская область, где последние два года жизни провел Иманжусуп.

Долгое время именно этот период оставался для меня, как исследователя-иманжусуповеда, белым пятном. Полевые экспедиции в Мойнкумском районе были безуспешными: мне не удавалось найти очевидцев событий, тех, кто мог знать об Иманжусупе. Если таковые и были, они предпочитали молчать из опа-

сения навредить себе, своим близким. Слишком глубоко засел страх, слишком тяжело расставаться с привычными представлениями и клише, которые были затвержены с детства. Смешно и горько признаваться, но мой приезд не на шутку встревожил моих родственников по линии старшей сестры Иманжусупа Батиш, проживающих в селе Жибек жолы и в Астане. «Как бы чего не вышло, - передавали они друг другу по цепочке. - Не надо объявляться. Кто знает, а вдруг времена изменятся. У нас дети, работа, лучше держаться подальше». Мне приходилось слышать предостережения подобного рода, но они меня мало трогали раньше, еще меньше сейчас.

С благодарностью думаю о Гульфии апай, невестке Батиш, сохранившей и передавшей мне бесценные материалы о жизни старшей сестры Иманжусупа. Оказывается, Батиш очень любила своего младшего брата, а Иманжусуп глубоко почитал ее. Муж Батиш Абдрахман был другом Шоная, старшего брата поэта, он же, кстати, и познакомил их и предложил породниться. Но недолгим оказался век Абдрахмана. Он умер, оставив молодую жену и четверых детей. И тогда на помощь пришел любимый брат, который всячески опекал сестру, не позволяя никому обижать ее. А сыновья Абдрахмана и Батиш хранили тайно тетрадку со стихами знаменитого нагашы. Потом тетрадь затерялась и вместе с ней затерялась память об Иманжусупе. А за Гульфией сейчас следят дети, исключая всяческие контакты со мной. Иногда ей удается передать мне весточку через кого-нибудь. А если кто-то из потомков Батиш встречается со мной на улице, то отворачивает лицо. А я живу в родном селе Иманжусупа, снимаю комнату, работаю над созданием музея Иманжусупа в школе, носящей его имя, и нет для меня дороже этого уголка на земле, ведь каждый камешек здесь – это память об Иманжусупе. И нет важнее для меня дела возрождения памяти о деде, ибо, как писал мой отец в шестидесятые годы в своем запросе в адрес Комитета государственной безопасности, «это нужно для полного восстановления справедливости».

Об этом же пишет Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев, размышляя об этноисторической и этнокультурной памяти и подчеркивая их экзистенциальную значимость: «Уроки истории вообще, а уроки истории культуры в частности, имеют смысл, если они живут в душе народа, Народ же хранит в своей памяти то, что помогает выжить». И хотя коллективная память народа подвергалась насилию, подменялась безродным беспамятством и бездумным забвением, но в глубинных основаниях казахской народной души она жила, благодаря этому феномену стало возможным обретение Независимости в 1991 году.

Память об Иманжусупе передавалась из поколения в поколение, закреплялась в сознании людей. Считаю большой удачей, немислимым везением, что мне посчастливилось в начале своих исследований тридцатилетней давности встретиться с живыми свидетелями, записать их рассказы. Сегодня уже их дети пересказывают воспоминания своих отцов, справедливо полагая, что это их гражданский и сыновний долг. В селе Жибек жолы, так теперь называется прежнее имение Кутпановых, три аксакала оставили свои воспоминания, причем закрепив их печатью и подписью акима. Я хранила эти записи, даже не подозревая, какую великую службу они могут сослужить. Дело в том, что недалеко от села находится родовое, семейное кладбище Кутпановых. И когда аксакалы мне говорили, что я должна защитить родные могилы, не позволить их распахать, уберечь их, я, по наивности, отмахивалась: да кто их тронет. Время показало, что старики были провидцами.

Сегодня, когда мне приходится доказывать, что родовое кладбище – это памятник культуры 19 века, я предъявляю в качестве неоспоримого аргумента документы моих дорогих провидцев, бесконечно уважаемых мной аксакалов села. Вот что

они посчитали нужным записать как документ: «Семья Кутпановых действительно проживала с 1865 года сначала в урочище Кюгенжар, потом в Карасу, ныне село Александровка. Дальше от их дома, примерно в восьми километрах находится родовое кладбище Кутпановых, где, по свидетельству очевидцев – наших отцов и других аулчан, захоронены Кутпановы: сам Кутпан, его жена, дети, снохи, внуки и другие члены семьи Кутпана Дайрабаева. Также подтверждаем, что являемся родственниками Иманжусупа по линии Дайрабая, приемного отца Кутпана».

Их уже нет на белом свете, но благодарная память о Хамите Нуртазине, Хамите Жалмухамметове живет в моем сердце. Жалмагамбетову Кабдыуахиту, ныне здравствующему девяностолетнему аксакалу желаю здравствовать и радоваться жизни. Более четверти века собираю народную память в копилку культурного наследия страны, и без ложной скромности скажу, что люди воспринимают меня во всех регионах как хранительницу наследия Иманжусупа и спешат поделиться тем, что хранили в памяти, что не решались никому передать.

В начале прошлого года зазвонил телефон, и незнакомый мужской голос твердо произнес: «Я из Моинкумов. Живу в ауле Кумозек. Иманжусуп жил у нас. Мой отец был его доверенным лицом и первым помощником. Исполняя волю отца, хочу встретиться с Вами и передать материалы о Вашем деде». Аманбай Мукатаев приехал в село Жибек жолы, участвовал в акции «Мәңгілік ел», которая прошла 1 марта и передал записи и воспоминания своего отца, а также уздечку и попону коня Иманжусупа. Летом я побывала в Моинкумах и в сопровождении Аманбая проехала по всем местам, где бывал мой дед. Оказалось, что аул Кумозек избежал вымирания от голода благодаря тому, что Иманжусуп собрал обессиленных, умирающих аулчан и отвел их на станцию. Там зарегистрировал их как возчиков саксаула, раздал всем своих верблюдов, и люди в конце каждого дня имели порцию супа и кусок хлеба, который им выдавали на талоны. Когда же его арестовали, и четверо детей батыра, старшему из которых было всего 10 лет, остались в песках одни, то жители помогли им выжить. Мой отец, тот самый десятилетний мальчик, вместе со взрослыми собирал саксаул и добывал себе и трем сестренкам еду. Об этом я часто слышала и от отца.

Когда я приехала в село Кумозек, собрались люди, и говорили о славных подвигах Иманжусупа, о его скакунах, которых он тоже раздал всем. Но когда пришла весть о том, что батыра арестовали большевики, то все, не сговариваясь, прирезали лошадей и закопали, чтобы не достались они красным. Через два дня в селе появились красноармейцы, они обыскали все, но лошадей не было. Забрали с собой Мукатая, но потом отпустили. И еще говорили старики о мужестве Иманжусупа, его неслышимой воле. Ни словом не обмолвился батыр на допросах об их селе, не назвал ни одного человека. А сколько было примеров того, как спасая свою жизнь, предавали и клеветали.

«Вот почему от поколения к поколению передаем мы нашу благодарную память об Иманжусупе, это нужно молодым, они должны знать, какой ценой досталась нам Независимость». В песках Моинкумов, на месте кочевки деда моего Иманжусупа и его семьи, жители села Кумозек во главе с неутомимым энтузиастом Аманбаем-ага нашли часть ветряной мельницы, которую когда-то поставил Иманжусуп. Скоро бесценный экспонат будет доставлен в музей. А недавно родившемуся внуку Аманбай-ага дал имя Иманжусупа... Из села Шилик привезена хранившаяся долгие годы в тайне от всех винтовка Иманжусупа, бухарская шаль и серебряный браслет его жены Асемгуль. Внук, сын Нурхана, Сеитбек Иманжусуп, проживающий в Алматы, передал в дар музею седло, которое изготовил сам Иманжусуп для своего кенже, младшего сына, и устроил той по случаю первого выезда.

Не могу не рассказать, хотя бы вкратце, о сестре моей Зулкие из Омска. Мы встретились с ней два года назад. Было ей тогда 94 года, и это она назвала меня сестрой после того, как узнала, что я внучка Иманжусупа. Оказалось, что ее дед Ереул был в большой дружбе с моим дедом. Ереул жил тогда в Акколе близ Акмолы, и Иманжусуп частенько навещался к ним в аул, оставлял своих знаменитых на всю округу скакунов, выезжал с Ереулом на охоту. Зулкие было тогда 11 лет, и она хорошо помнит, как Иманжусуп сидел в юрте, как вел неспешные беседы. Зулкия с кувшином и полотенцем поливала на руки гостям, и тогда заметила, что никто не перебивал красивого, высокого, статного, с гордой осанкой, необыкновенно выразительным голосом великана. Когда она подошла к нему, он обратился к ее деду: «Какой же ты счастливый, Ереке, Бог сподобил увидеть семя от сына. Как это хорошо». Зулкия запомнила ответ Ереула: «Имеке, дорогой, попомни мои слова, и оглянуться не успеешь, как обзаведешься внуками».

Потом Иманжусуп, уступая просьбе друга, пел, и никогда Зулкия не слышала больше такого голоса – казалось, он проникал в самую душу, растворялся в сердце и приносил необыкновенную радость. Рассказывая об этом, Зулкия вдруг запела услышанную в детстве песню. Это была знаменитая «Сары-Арка». Прощаясь со мной, Зулкия сказала: «Теперь ты знаешь, мы с тобой сестры, прими от меня платок из моего приданого. Сейчас такие не носят, но я хочу, чтобы ты его хранила. Обещай мне приехать на мои похороны и спеть жоктау». Через две недели пришло известие о ее кончине. Я приехала на семь дней, и ночью пришли слова жоктау. Произошло почти мистическое событие: во сне я сложила целых четыре куплета, причем на казахском языке. Оставила их ее дочери Саре, и они были исполнены на сороковинах. А платок моей сестры Зулкии будет храниться в музее вместе с другими памятными вещами.

Более полувека прожил батыр, поэт и композитор в акмолинских краях. В нынешней Астане есть улица Иманжусупа Кутпанова. Не каждый ее может отыскать, так как находится она на окраине, на бывшей Линейной улице, что почти примыкает к вокзалу, да и на табличках значится кратко: «Улица И. Кутпанова», и вряд ли кто догадается, что за этой буквой сокрыта часть истории Астаны. На этой улочке стоит столичная школа №25, и, думаю, можно надеяться, что ученики и учителя этой школы, по примеру таких школ города, как гимназии №2 и №52 займутся исследованиями личности Иманжусупа и будут гордиться тем, что им посчастливилось учиться и жить на улице народного героя.

В начале девяностых годов в свой первый приезд в Астану, я встречалась с аксакалами, которые видели Иманжусупа, были свидетелями его героической жизни. Рассказывая о нем, они приговаривали: «Әкеміз болды, он был для всех нас отцом». Они видели в нем героя, защищавшего их от зла и напастей, заступником, доверенным их лицом. Народ верил ему и знал, что слабых, бесправных людей есть кому защитить, отстоять их права, и что на каждую силу найдется другая сила. В 2000 году в Астане состоялся первый вечер памяти Иманжусупа. Организован он был управлением культуры города, возглавлял который Ермек Аманшаев, писатель, драматург, замечательная личность. Какие это были годы нашей общей бедности, говорит тот факт, что на аренду зала пошли деньги, вырученные от продажи нашей семейной мебели. Но дело того стоило. Один из моих респондентов, Султан Төлебеков был тяжело болен и уже не вставал с постели. Узнав о том, что будет вечер Иманжусупа, он сказал детям: «Если мне суждено будет умереть на концерте, посвященном памяти Иманжусупа, я восприму это как подарок судьбы». Взяв слово, он сказал: «Было время, мы не понимали, почему наш кумир, наш всеобщий любимец, покинул Акмолу, поселился

в Кызылорде. Не скрою, были мы на него обижены тогда. А как мы радовались, когда он в голодном 29-м году пришел с караваном хлеба. Весь город вышел на улицы, смеялись, плакали, молодежь пела его песни. А когда он уезжал, собралось много народу, и провожали его до середины пути. Как нам всегда не хватало его. Он всегда был в нашей памяти. Сегодня на меня нашло прозрение. Я вижу в этом зале делегатов со всей республики. Он уехал потому, дорогие мои, что был нужен всем, и мечтал о том дне, когда все мы будем вместе, как одна семья, когда все мы будем свободны. И ради этой благородной мечты он сложил свою голову. Он не захотел отсиживаться в теплом углу, ибо он был и оставался всегда защитником и заступником народа».

В 1997 году Абиш Кекильбаев, будучи государственным секретарем РК, при встрече со мной (мы снимали тогда документальный фильм о Иманжусупе) сказал: «Иманжусуп – одна из романтических и героических личностей недавнего прошлого. По призванию художник, творец, композитор, великий музыкант. По натуре – настоящий степной рыцарь. Он совершал абсолютно неповторимые, незаурядные подвиги, которые до сих пор живо отзываются в сердцах людей. Своим благородством, непризнанием любого насилия, резким протестом к проявлению любого социального зла он будет подкупать представителей многих поколений всех времен». Абиш-ага до конца дней своих был предан памяти Иманжусупа и много делал для восстановления его имени. Он называл меня «Иманжусуптин жокшысы» и, читая рукопись моей первой книги о деду, говорил: «Ты сделала большое дело, ты достойное семя Иманжусупа». И помог с изданием книги. В дни скорбного прощания с ним, когда душа его покинула земную юдоль, я, как когда-то старики Акмолы, произнесла: «Әкем еді». И Абиш-ага, и Манаш Козыбаев, и Сафуан Шаймерденов, и Турсынбек Какишев, и Рахманкул Бердыбаев, и Дукенбай Досжан и многие ныне живущие известные деятели науки и культуры считали его народным героем, символом мужества, чести, благородства.

СОЗДАВАЯ МУЗЕЙ-УСАДЬБУ ИМАНЖУСУПА

В десяти километрах от Астаны есть село Кюгенжар, куда в 1865 году переехала из Павлодара, станицы Песчаной, семья Кутпановых. «Не может мой аул останавливаться в Кюгенжаре», – поет он в одной из своих песен, описывая историю изгнания с родных мест. Там, как рассказывают старожилы, стоит столетний тополь, который посадил Иманжусуп перед своим отъездом из Акмолы в 1913 году. Летом в тенистой прохладе старого тополя собираются сельчане и добрым словом поминуют своего земляка.

Чуть дальше расположено село Жибек жолы, прежнее название Александровка. Именно с этим селом связано полвека жизни Иманжусупа. Один из сыновей его, Сеитхан, в память об этом селе назвал свою дочь Александрой. Недалеко от села находится родовое кладбище Кутпановых. Там похоронены родители, братья, близкие. В преддверии 150-летия поэта и композитора из города Тараза был привезен контейнер с землей из заброшенного шурфа, куда сбрасывали тела убиенных. Нашел в нем свое последнее упокоение в 1931 году и Иманжусуп. На родовом кладбище был установлен памятный камень, произведено символическое захоронение.

В январе прошлого года, вдохновленная Посланием Президента, в котором Нурсултан Абишевич Назарбаев обнародовал идею «Мәңгілік ел», я переехала в Жибек жолы. Решила реализовать свою давнюю мечту: создать здесь музейный комплекс Иманжусупа, в который бы, кроме музея в традиционном понимании, входили центры верховой езды, прикладного искусства, школа сал и сері. Все.

что накоплено было мною за весь период исследовательской, просветительской, пропагандистской работы: уникальные материалы, личные вещи семьи Кутпановых, личную библиотеку, насчитывающую более 2000 экземпляров тематической литературы, передано мною безвозмездно в фонд музея. По зову сердца и чувству долга перед памятью выдающегося поэта и композитора, певца, народного героя Иманжусупа живу и работаю в школе его имени, веду факультатив Иманжусуповедение, руковожу научно-познавательными проектами учеников, и вместе с единомышленниками мечтаю о том дне, когда распахнутся перед посетителями двери музея, состоится открытие памятника культуры – родовой усыпальницы, и в Конгресс-холле в сопровождении симфонического оркестра пройдет концерт песен Иманжусупа, а в театрах – спектакли о жизни народного героя. В год двадцатипятилетия Независимости нашей Родины, в год 85-летия со дня его гибели возродится былая слава и популярность Иманжусупа, поэта доблести и мужества, защитника слабых и сирых. И те, кто, может быть, не желает возвращения Иманжусупа, кто пересказывает шепотком клеветнические наветы, стараясь умалить его деяния и жизнь, смирятся и постараются скрыться в тени.

Нам всем не хватает сегодня тепла, умения услышать друг друга и почувствовать, насколько мы близки, как глубоко уходят в прошлое наши общие корни. Мы все – крона одного дерева. И есть в этой кроне ветви трех героев трех поколений одной семьи, которые, не раздумывая в час испытаний, сложили свои головы, чтобы древо казахов росло, зеленело по весне, радовало цветом и плодами...

Хочу привести здесь некоторые высказывания об Иманжусупе.

«Форма жоктау неоднократно использована акынами – композиторами. До нас дошли песни «Кулагер» акына Ахан Сери о любимом его коне, «Ерейментау» акына Иманжусупа, в которой он находясь в ссылке, прощается с Орлиной охотой и любимым орлом».

Мухтар Ауезов

«Я в долгу перед памятью Иманжусупа. В своих работах о казахской музыке я, к сожалению, не мог говорить о нем. А ведь это значительная фигура в казахском искусстве. О его вкладе в казахскую музыку можно судить хотя бы по одной его песне «Сары мойын», которая вошла в оперу «Кыз Жібек» и как бы потеряла своего автора».

Ахмет Жубанов

«Своего рода герой, силач. Перечисленные качества соединяет в себе с несомненной музыкальной талантливостью».

Александр Затаевич

«В любой ипостаси Иманжусуп сумел выразить полно и ярко свою индивидуальность и уникальность, и по праву занимает особое место и в казахском искусстве, и в истории народно-освободительного движения.

Не вызывает никакого сомнения то, что Иманжусуп является значимой и весомой фигурой казахской культуры».

Манап Козыбаев

«Иманжусуп – поэт, композитор, менестрель, батыр, ставший легендой казахского народа. Судьба одарила его необыкновенными качествами. К высочайшему песенному дару присовокупив еще и необыкновенную жизненную физическую силу, тонкий пытливый ум, интеллект и дерзкий, буйный нрав...

Образы, чувства и мысли его можно сравнить разве что с океаном – то величественным, безмятежным и спокойным, то бурным, клокочущим, сметающим все на своем пути, разбивающим в щепы коробли и суда».

Рахманкул Бердыбай

«Об Иманжусупе я впервые услышал от внука Саккулака Турсынбая Ергалиева. Был покорен поэзией Иманжусупа, через личные свои переживания он затрагивает общие проблемы. При этом его очень страстная, эмоциональная, высокохудожественная поэзия и его песни всегда подкупают слушателя. Я услышал его песни в пятнадцать лет.

Широта песенного диапазона допускала повторы, но поэзия Иманжусупа неповторима. Можно назвать это настоящий поэтической школой».

Музафар Алимбаев

«Иманжусуп – одна из романтических и героических личностей недавнего прошлого. Он по призванию - художник, творец, композитор, великий музыкант. По натуре – настоящий степной рыцарь. Он совершал абсолютно неповторимые, незаурядные подвиги, которые до сих пор живо отзываются в сердцах людей. Своим благородством, непризнанием любого насилия, резким протестом к проявлению любого социального зла он будет подкупать представителей многих поколений всех времен».

Абиш Кекильбаев

«Есть известное высказывание Виктора Гюго, что величие человека не в его росте, а в том, что он оставил народу, в его отношении к народу. А величие народа не в численном количестве, а в том, как этот народ защищает свои земли, помнит и чтит свою историю и хранит уважение к своим предкам. И вот одна из таких личностей, одна из фигур, которая помогает нам воспитывать уважение к родному краю и формировать историческое сознание – это Иманжусуп Кутпанов. Народный батыр, композитор, поэт, оставивший неизгладимый след в истории и литературного, и музыкального искусства в истории народно-освободительного движения, чьи песни широко популярны до сих пор, и в общем-то были популярны даже в те времена, когда его имя было предано забвению. Для народа его песни, его жизнь – это бесценное наследие».

Толен Абдик

Иманжусуп Кутпанов

ЕРЕЙМЕНТАУ

Я жив еще, хоть и мертва душа моя,
Обида и тоска во мне бушуют ливнем...
О, Ерейментау! Сейчас увидеть бы тебя
И с беркутом моим подняться на вершину.

Как из камней Всевышним сложенный дастан,
Прекрасен ты сквозь утреннюю дымку...
Здесь, в дальней ссылке, ты в памяти восстань
И излечи тоску, Ерейментау, родимый.

Когда я молод был, на родине моей
Я многих гордецов мог осадить словами ...
Однажды, восемь дев увел во тьму ночей
И пир степной отваги праздновал с друзьями.

В зеленых камышах на берегу реки
Повесил я тумар на шею Кокмойына,
Как званный гость аулов, был весел и речист,
И наслаждались девы песнями моими.

Теперь по воле злой живу в краях чужих,
Давно не видели меня в родных аулах...
Горячая слеза тоски в глазах моих,
Терзает сердце мне жестокая разлука.

Ничем не излечить моих душевных ран.
И лишь всеильный Тенгри знает меру горя,
Но как надежда светит мне Балтакара
И в памяти встают мои родные горы.

Как в бренном мире мне пристанище найти,
Горит душа моя, пылая как сухие травы...
О, сколько негодяев мне встретилось в пути,
Но всех я уничтожил своим словом правды.

Мне б на закате лет увидеть край родной,
Вдохнуть всей грудью вольный дух Ерейментау,
Лишь так я обрету блаженство и покой,
И вновь счастливым человеком стану.

САРЫ-АРКА

О, вольное пристанище мое, Сары-Арка!
Из всех скитаний возвращаюсь я сюда.
Здесь ждет меня всегда веселое житье,
Пьянящий запах трав твоих - вино мое...
Тревога о тебе гнетет меня порой,
И я печалюсь о тебе, мой край родной.
Как мне озер твоих красу пересказать,
Здесь, как огонь во мне охотничий азарт.
С тобою кровью пуповины породнен,
Я мальчиком беспечным был рожден.
Ты словно мать мне и отец, Сары-Арка,
С тобой в разлуке сокрушит меня тоска...

Иманжусуп, твой беззаветно верный сын,
С тобою связан я всем таинством судьбы.

* * *

На коня водрузил походный треножник,
Имя Иманжусуп записал на бумаге...
Душу бедную бросил, как муху, в тревожный
Мир сатрапов, где мало мест для отваги.
Мне легко удастся ладное слово,
Много видел, усвоил я жизни основы,
Я слова назиданий оставлю народу,
Испытаниям я подвергался суровым.
Я на родине превзошел всех напрочь,
Гордецов и нахалов дергая за нос,
А джигитам, друзьям своим подарил я радость,
Восемь девушек выкрал для них я за ночь.
С Акмолою рядом аул средь степей,
Акмола же меж двух крепких крепостей,
Сто коней и восемьдесят крупных телок
Веришь, нет, с любимой пришло моей.
Вот к Жамбаю аул мой откочевал,
Кто же Иманжусупа, каким был он, знал?
Из-за вкуса особого молоко овечье не пил,
Хлеб тюремный, как мед, сладок нынче мне стал.
Мой аул откочует, свое место найдет,
А письмо мое до Караоткеля дойдет?
Я соскучился по Даулетхану и родичам,
Кто в изгнании не был, не поймет меня тот.
Мне отец дал имя Иманжусуп,
В заточенье лежу, мой дом – эта дверь,
Нету рядом родственников ни одного,
Что же будет со мною, кто скажет, теперь!?

* * *

Дни проходят, скользя, словно караван,
Вспоминаются сотни нанесенных мне ран,
Много женщин родили сынов от кыпчаков,
Но как Иманжусуп не рожден великан.

В океан не поместится моя голова,
Как подумаю, слезы сдержу едва,
Сколько лет я сражался с начальством тупым,
В Акмолу о величье моем ходит молва.

Я не трусил перед ружейным огнем,
Много было стоянок-ночлегов в походе моем,
Вот пригнали сюда меня, наконец,
Предстоит мне здесь жить, в окруженье чужом.

Не противьтесь, джигиты, воли божьей нет строже,
Нет батыра, судьбы развернувшего вожжи,
Голова человека – мяч в ногах у Аллаха,
Чего не повидала голова моя, Боже.

* * *

Боже мой, зачем я поплелся к озеру этому,
Врагам отомстить не сумел, ушли безответно,
Поплелся пешком, как проклятым гонимый,
Оружья, коня Кокмойына рядом ведь нету.
В юности моей было подвигов много,
Я врагов не щадил, пути не зная иного,
«Одно ожиданье – тому, кто вскипел сотню раз», -
Очевидно теперь все стало для глаза родного.
Прощай, Акмола, прощай же, родная земля,
Пуповину обрезала мне, на руки взяла,
Сражался с врагами лютыми днем и ночью,
Кровь и пот я здесь проливал без числа.
Теперь прощайте, Батал, Биял, Кулжанжан,
Совсем молодые еще Турсынбай и Даулетхан,
Скот я не крал, не убивал никого,
За чьи преступленья ответить приговор мне дан?
Когда-то меня вопрошали: «Как дела твои, Иманжусуп?»
Теперь же народу страшную участь несут.
Крошечной птичкой стала судьба моя,
Была же Жар-птицей, держащей крылами весь мир на весу.
Когда-то был я цветком, что играл в красивых руках,
Врагов не щадил, не зная, что есть он – страх.
Когда же счастье минует тебя, бывает такое,
Враги могут праздник устроить на поверженных головах.
Верблюду легко упасть, легче, чем овце,
Курай вражьем войском покажется в самом конце,
Когда за бедро хватает несчастного волк,
Спасет тебя только бог, заботясь о молодце.
И не мужчина, а баба, оказывается, волостной Шарип,
Его живьем закапать бы... стал я жертвой его интриг.
Письмо написал я в губернию, но ответа нет,
Чем кончится это все, вы сказать бы могли б?
Сова развлекается над самым обрывом, а он крутой,
Пусть потомки твои будут рядом с тобой, дорогой.
Спаси нас бог от друзей, ставших вдруг врагами,
Даже волки не трогают волка из стаи другой.

Перевод Орынбая Жанайдарова

